

Период авторитарных идеологий.

1. Эпоха патриархального быта.

а) Техническая и экономическая характеристика эпохи.

— Какие изменения в технике отличают патриархальную эпоху от первобытно-родовой?

— Основное из них было то, что появились отрасли производства, обеспечивающие существование людей: земледелие, хотя еще примитивное, кочевое скотоводство. Первобытная охота не могла давать такой обеспеченности; там поддержание жизни зависело в наибольшей мере от стихийной случайности, которая была вне власти людей.

С новыми отраслями, с обеспеченностью жизни возник прибавочный труд, т.-е. избыток трудовой энергии общины сверх того, что ей было абсолютно необходимо для своего сохранения. Этот избыток воплощался в более или менее постоянных запасах, т.-е. в „прибавочном продукте“ общины.

Разумеется, количество прибавочного труда было еще очень невелико; но он существовал и представлял устойчивый базис для прогресса жизни.

Помимо появления новых, столь важных отраслей производства, продолжали расти и усложняться старые; совершенствовались орудия; если они еще были каменными, то уже не из грубо-обколотого, а из полирован-

ного камня. А затем совершался переход и к металлу — медь, бронза, метеорное железо. Самое производство орудий требовало уже особого умения и начинало „дифференцироваться“, дробиться на специальные работы.

— Какие изменения произошли в экономике общины?

— Значительное расширение рамок сотрудничества: величина родовой общины измерялась, обычно, уже не десятками, а сотнями человек. Затем, зарождение специализации: в огромном общинном хозяйстве уже не только разным работникам приходилось выполнять разные трудовые процессы, но не каждый и умел выполнять всякую необходимую для общины работу, не каждый мог заменять по мере надобности другого, как было в первобытной группе.

Наконец, особенно важное для идеологического развития преобразование состояло в том, что обособился организаторский труд от исполнительского, возникло авторитарное сотрудничество.

В первобытной группе не было постоянного распорядителя, и она могла обходиться без него, благодаря малым размерам своего производства, простоте его приемов и величайшей однородности опыта всех членов группы: каждый умел и знал все то, что умели и знали другие. Всех этих условий уже нет в разросшейся общине патриархальной эпохи; для нее организатор, руководитель производства необходим. Таковым был человек наибольшего опыта, старейший член общины, — ее „патриарх“.

Он распределял труд, указывая каждому родичу, что тот должен делать, — распределял также продукт, распоряжался общинными запасами, направлял воспитание молодежи, разрешал все недоумения, недоразумения, конфликты. Он был „авторитетом“ для общины: его слушались, его опыту неограниченно доверяли. Это было началом власти-подчинения, — но не в грубом смысле господства и вынужденной покорности, а в смысле определенного

тина сотрудничества. Патриарх был руководителем-работником общины, как другие родичи—ее работниками-исполнителями. Эксплоатации не было. Если патриарх и мало занимался физическим трудом, а затем вполне освободился от него, если он жил за счет прибавочного продукта общины, и его потребности развивались шире, чем у других, то его работа представляла также наибольшую затрату энергии. Труд умственный, организаторский вообще сложнее физического и тяжелее его, если брать тот и другой при средней напряженности. А при неразвитом, инертном мышлении той эпохи это соотношение выступало еще гораздо резче, чем теперь. Путешественники, описывающие жизнь племен, остановившихся на ступени патриархального быта, единогласно свидетельствуют, что для дикаря нет более изнурительного усилия, чем размышление, расчет, обдумывание не испытанной еще комбинации: он предпочтет очень большую, но привычную затрату физической силы, чтобы только избежать этого. И в распорядительской работе патриарха главную долю охватывало тоже не самостоятельное размышление и решение; а следование „обычаю“, традициям, унаследованным от предков.

Но если власть патриарха не была эксплуататорской и принудительной, то она являлась, тем не менее, в пределах его функций вполне непреложной. Трудовая близость и родовая связь придавали ей характер своеобразного демократизма: в важных случаях, затрагивавших жизненные интересы всей общины, патриарх сам созывал ее общее собрание, и все взрослые мужчины принимали участие в обсуждении, в решении. Но там, где патриарх распоряжался, по соображениям ли своей опытности, как во всех обыденных делах, или выполняя общее решение, — никому и в голову не приходило ослушаться его: повиновение было инстинктивным, автоматическим. Это была привычка, созданная тысячелетиями; она надежно поддерживалась малой способностью и неохотой к размышлению.

— Ограничивались ли экономические изменения областью внутренней организации родовой группы?

— Нет. Тогда же начали развиваться между-общинные отношения сотрудничества. Полная обособленность и замкнутость первобытных групп не могла удержаться. Благодаря возросшей производительности труда, население стало гуще, соседские встречи и столкновения между общинами чаще. Сводиться всегда к одной войне и взаимостреблению они уже не могли. На основе не забытого еще родства там, где оно существовало, образовывались племенные союзы общин для военной защиты и для крупной охоты, как это можно видеть на примере краснокожих Америки. Зарождались меновые отношения между общинами и, благодаря наличности запасов, мало-по-малу теряли свой, вначале только случайный, характер, хотя вообще не играли значительной роли в экономике эпохи. Складывались обычаи гостеприимства, выражавшие рост общения людей.

б) Развитие речи.

— Могли ли первобытные формы речи быть достаточными в условиях патриархального быта?

— Нет. Во-1), техника и экономика труда требовали большого увеличения количества слов: необходимы были особые обозначения для всего множества различных трудовых актов усложнившегося технического процесса, для его орудий и материалов, гораздо более разнообразных, чем прежде. Во-2), не могла удерживаться прежняя неопределенность значений: когда организатор словесно распоряжается многочисленными работами, большая часть которых выполняется даже не на его глазах, то его указания каждому исполнителю должны быть точны и определены; так же точны и определены должны быть сообщения, которые он получает относительно хода работ,

относительно фактов, требующих его вмешательства и пр.; для этого необходимо, чтобы значения слов прочно установились. В 3), так как организационные указания и сообщения развивались ко все большей сложности, чаще и чаще касались разных подробностей, важных при разделении работы, когда мелкое несоответствие между действиями работников может испортить многое, то должны были развиваться способы выражения оттенков и соотношений. Отсюда — развитие комбинаций слов и из них, в дальнейшем, — изменяемости слов (начало того, что мы называем склонениями, спряжениями, и пр.).

— Значит ли это, что языки в ту эпоху приняли характер современных нам форм речи?

— Нет, до этого все же было далеко. И по количеству слов, и по гибкости их сочетаний, языки той эпохи так же далеки от современных, как само производство патриархальной общины от нынешнего. Вместо прежних десятков слов появились сотни, тысячи, но не сотни тысяч, как теперь; выработались некоторые простейшие комбинации, зародыши склонений, спряжений, но не более, как зародыши. Главное же то, что язык тогда был чужд отвлеченности: его слова обозначали живые факты, конкретные вещи, доступные труду или прямо на него влияющие, а не абстрактные понятия. Для отвлеченностей, для абстракций еще не было места; все было просто и прозрачно в жизни общины, отношения людей к вещам и отношения между самими людьми-сотрудниками.

с) Развитие мышления.

— Могла ли при патриархальном быте удержаться первобытная отрывочность и бессистемность мышления?

— Она основывалась, как мы видели, на том, что понятия, идеи гораздо теснее связывались для первобытного сознания с трудовыми действиями, к которым они относились, чем между собою. Но в патриархальной организации эта непосредственная связь идеи с действием была разорвана самой жизнью: мысль организатора осуществлялась действием исполнителя. Умственное усилие на деле разъединилось с физическим, нашло себе особое воплощение в личности руководителя общины, и таким образом получило самостоятельность. Тогда, естественно, мысли начали теснее связываться между собою, в области идей стала вырабатываться отдельная организация, они шаг за шагом систематизировались.

Иначе и быть не могло: сама экономическая необходимость требовала этого. Организатору, хранителю опыта общины, приходилось собирать в своей памяти и применять все возрастающую массу практически-необходимых идей: правил техники, описаний фактов, имеющих значение для труда; удерживать все их в разрозненном, несвязном виде было бы просто невозможно: не хватало бы даже самых лучших способностей. Систематизация экономизирует силу мышления, позволяет и обыкновенной памяти удерживать очень много материала. Стоит лишь сравнить, во сколько раз надо меньше труда, чтобы запомнить сто фактов, образующих связный рассказ, чем для того, чтобы заучить сто других фактов, беспорядочно смешанных, не имеющих отношения между собою. Без систематизации мыслей, т.-е. накопленного трудового опыта, нельзя было бы, следовательно, руководить успешно и планомерно дальнейшим производством. Она была экономической потребностью, все более настоятельной по мере расширения, усложнения труда-опыта, и шаг за шагом должна была развиваться.

В изучаемую нами эпоху впервые складывалось то, что можно называть уже мировоззрением.

— Каким путем шла идеологическая систематизация?

— Путем, разумеется, обобщения прежде всего. Бессознательное обобщение свойственно и первобытному мышлению: ведь, когда сходные действия, события, вещи, обозначают одним и тем же словом, это есть их обобщение по сходству. Но при первичной неопределенности значения слов, когда, напр., одинаково обозначались трудовые действия, их орудия, их материалы, их продукты, стихийные действия, их напоминавшие и пр., такое „обобщение“ было в то же время смешением, и не вело к сколько-нибудь точной систематизации. В эпоху патриархального строя жизни, как мы знаем, эта неопределенность исчезала, уступая место более строгому разграничению смысла слов. Тогда и процесс обобщения, хотя попрежнему бессознательный, не методический, стал приобретать все больше практической точности, а с нею — характер систематизации, как мы ее понимаем.

d) Авторитарная причинность.

— Как представлялась постоянная связь фактов для первобытного мышления?

— Только как простая последовательность действий, но не как причинная их связь. Всякое техническое правило усваивалось, как определенная последовательность трудовых актов, напр., сломать сухие ветки, тереть их одна о другую, раздувать искру, и т. д. В идеях, относившихся к описанию природы, выражалось часто такое же устойчивое соотношение стихийных событий, следующих одно за другим: солнце заходит, темнеет, становится тихо, хищники выходят на добычу, — и т. под. Ни в том, ни в другом случае не имелось противопоставления предыдущего действия, как причины, последующему, как ее необходимому результату; принималось, что так делается, так происходит, и только. Вопроса „почему?“ не возникало в примитивном сознании.

— Почему вопроса о причине явления не могло возникнуть на первых ступенях идеологии?

— Потому что вопрос этот сам по себе означает уже определенное понимание мирового устройства, мысль о такой организации мира, что все его явления связаны общей закономерностью и одни из них влекут за собою другие. Но в первобытную эпоху не было никакого мировоззрения, никакой, следовательно, общей идеи об устройстве мира.

— Откуда же в патриархальную эпоху взялась идея причинности?

— Как идея о мировой организации, она, естественно, была взята из той единственной организации, которая была людям знакома прямо в их жизни,—из организации самой патриархальной общины. Иначе и быть не могло: люди не творят из ничего в мышлении, как и в практике.—Не случайно и самое слово „мир“ в русском языке значит, собственно, „община“ (в деревне оно и теперь употребляется в смысле крестьянского схода).

Патриархальная община была построена на авторитарном сотрудничестве, разделении организаторской функции патриарха и исполнительской—его родичей. Авторитарное сотрудничество и дало впервые идею причинной связи.

— Каким способом из авторитарного сотрудничества получилась идея причинной связи?

— В нем имеется постоянная последовательность фактов, а именно такая, что за действием организатора,—его распоряжением,—следует соответственно трудовое действие исполнителя. Но это не только последовательность действий; это их связь организационная, необходимая. Каждый член общины не может не сознавать, что распоряжение организатора вызывает или „причиняет“ действие исполнителя, а

отнюдь не только предшествует ему. Такова авторитарная причинность в ее первоначальном виде, как трудовое отношение. В ней есть и противопоставление причины со следствием: первая — действие одного человека, второе — другого; в ней имеется и сознание закономерности: распоряжение должно влечь за собою выполнение; это — жизненная, реальная необходимость, какая только и доступна неразвитому мышлению.

— Если идея авторитарной причинности получилась из сотрудничества, то не должна ли она была и применяться исключительно к этому сотрудничеству? Откуда взялась причинная связь в ее всеобщем виде?

— Авторитарная причинность не осталась в одной только области человеческих трудовых отношений, а распространилась на всевозможные явления, — благодаря основной метафоре.

Мы знаем, что первоначально человек мыслил стихийные действия в природе теми же самыми понятиями, что и трудовые акты людей. Естественно, что связь действий здесь и там мыслилась тоже одинаково; иначе человеку надо было бы специально для этого случая придумать коренную разницу между теми и другими, на что он был, разумеется, неспособен. Если действие организатора, — произнесение им слова, его жест, его личный пример, — причинным образом вызывает действие исполнителя, то совершенно так же одно стихийное действие может вызывать другое: медвежата ушли в берлогу, потому что медведь приказал им уйти; звезды исчезли на небе, потому что взшедшее солнце велело им скрыться; волны пошли по морю, подчиняясь власти бури, и т. д.

Язык сохранил ясное указание на это происхождение причинной связи в самых словах, которыми она выражается: у нас говорится, что причина „вызывает“ следствие — очевидно так, как некто, имеющий власть, „вызывает“ подчиненного, и тот необходимо является; во

французском языке аналогично употребляется одинаковое по смыслу слово „provoquer“, в немецком может так же применяться „hervorrufen“. Другие обозначения не столь прозрачны, но все же происходят от корней, относящихся к понятию словесного общения; напр., греческое *aitia* — причина происходит от *aiten* — требовать, просить; латинское *causa* связано с *causari* — спорить, перешедшим во французский язык в виде *causer* — разговаривать, но также и причинять. В том же роде русское „условие“, и т. п.

В народной поэзии, сохранившей древние способы мышления, можно найти прямое выражение стихийной причинности в виде приказа. Вот пример из эстонского эпоса „Калеви-Позг (из подстрочного русского перевода):

„Дуновение ветра... приказало березе шелестеть,
Листьям осины робко дрожать, как в когтях вора...
Тоны воздуха, нежные голоса

Заставили овода жужжать, мошку — шуметь...“

В одной древне-египетской надписи (из Эль-Каба) говорится: „Солнце пылало... солнце приказало колосьям расти правильно“.

Приказание чаще всего отдается посредством слова (хотя не всегда: иногда и посредством движения руки, глаз и т. под.). Поэтому в древнейших мировоззрениях именно слово выступает как основной тип причины. Во многих мифологиях слово, а именно творческое повеление, представляется причиной всех вещей и самого возникновения мира.

О том же говорят и распространенные повсюду у варварских и даже полу-культурных народов идеи „магизма“. Это — вера в силу заклинаний, убеждение, что „слова“ имеют власть над вещами и их действиями. Принимается, что все можно заставить служить себе — природу, людей, даже богов, — если только знать надлежащие слова и способ их употребления. Повсеместность этого суеверия и огромная прочность, с которой оно укоренилось у всех

народов, непреложно доказывают, что оно не случайно, что оно имеет глубокую историческую основу. И очевидно, какая эта основа: люди первоначально привыкли, в сфере производства, видеть слова причиной действий; бессознательно и наивно их мышление перенесло эту связь на всю природу.

— Пришло ли мышление патриархальных времен к той непрерывной цепи причин-следствий, какая существует в нынешнем понимании мирового процесса?

— Нет, идея непрерывной, т.-е. бесконечной цепи причин-следствий тогда еще не зарождалась. Для нее не было опоры в самом происхождении авторитарной причинности. Без сомнения, и в общинной организации можно было наблюдать кое-какие цепи авторитарных причин-следствий. Напр., патриарх мог сделать своим ближайшим помощникам — старейшим после него членам общины — распоряжение, положим, заготовить запас таких-то ягод, корней, грибов, и т. п. Эти помощники могли, с своей стороны, передать распоряжение всем взрослым мужчинам; те, в свою очередь, приказать своим женам, чтобы они позаботились о выполнении дела; а жены, опять-таки, возложить работу на своих детей: ряд приказаний-исполнений, т.-е. причин-следствий. Но этот ряд непременно ограничен: он имеет свою „первую причину“, дальше которой не идет. В данном случае она заключается в воле патриарха, которому уже никто не давал приказаний, и который является причинным звеном всей цепи всецело сам по себе.

В других случаях путь к первому звену еще короче. При нашем нынешнем, новом понимании связи явлений мы можем, конечно, дальше искать причину действий патриарха, причину той причины, и т. д. Но при понимании авторитарном, там, где нельзя найти или предположить повелевающей власти, там нет больше и причины. Если даже, как это бывает в дальнейшем, когда сложилось религиозное мировоззрение, признается, что действиями

патриарха руководит само божество, то мы имеем еще небольшое удлинение цепи, но начало у нее попрежнему есть: воли божества никакая дальнейшая причина не определяет.

Та же привычка мышления переносилась, благодаря основной метафоре, и на явления внешней природы: люди не искали без конца причин за причинами; их сознание легко успокаивалось на каком-нибудь звене, для которого оно не замечало дальнейшей причины. Напр., пусть волнением моря во время бури обрушена скала. В падении скалы обнаружилась власть над нею моря; море же, в свою очередь, волновалось, подчиняясь буре. Но дальше объяснения может и не требоваться; допускается просто, что „ветер дует, где хочет и когда хочет“. Однако, может случиться, что люди уже уловили связь бурь с известным положением солнца (т.е., по-нашему, с временем года); дело шло, положим, об одной из равноденственных бурь, которые обычны во многих странах. В таком случае прибавится еще одна связь: солнце повелело буре изволновать море. А солнце будет рассматриваться как вполне независимое авторитарное существо, которое само по себе распоряжается подчиненными ему силами.

Вообще, цепь авторитарной причинности может удлиняться, но всегда остается ограниченной, замкнутой.

— Не следует ли рассматривать авторитарное понимание причинной связи как заблуждение, и не было ли оно, как заблуждение, вредно для жизни?

— Для нас, людей иной ступени развития, оно, действительно, заблуждение; если бы мы его разделяли, оно было бы, разумеется, и вредным. Но совсем иначе обстоит дело с точки зрения той эпохи. Идея причинности и в самом несовершенном виде приучала людей находить в явлениях необходимую связь, объединять их в организованный порядок. Это было полезно и нужно для развития общественного сознания. —

Иной же идеи причинности быть не могло. Она приспособлялась к тогдашнему типу жизни, а он был авторитарный; она должна была организовать тогдашнее сотрудничество, а оно было авторитарным. В области трудовой организации эта идея была верна во всяком смысле: действия руководителей на самом деле вызвали соответственные действия исполнителей, — так и следовало это мыслить.

Без сомнения, для других областей этот способ мышления был искажением действительности: ветер не приказывает деревьям качаться, солнце звездам — скрыться, и т. п. Но практическая связь фактов выражалась достаточно правильно: ощущая порыв ветра, человек законно ожидал, что деревья закачаются, и не бывал обманут в ожиданиях. Мыслить эту связь авторитарно было для него всего проще и удобнее; взять иное представление было и не откуда, и в случае даже его возможности было бы бесполезно: это ничего не прибавляло бы к наличному знанию связи фактов, потому что все равно не были известны способы действия вещей одних на другие; это являлось бы только ненужным усложнением мыслей, увеличением работы мозга. Лучше было пользоваться привычным шаблоном, уже выработанным самой жизнью. Человек тех времен был объективно прав, мысля по-авторитарному, как бываем правы и мы, переходя временно к устарелым, но для данных частных случаев достаточным понятиям. Напр., определяя на глаз время по солнцу, мы представляем себе солнце поднимающимся и опускающимся по небесному своду, что соответствует примитивной астрономии, но неверно с точки зрения нынешней: было бы лишним и бесплодным утомлением мыслить здесь этот факт в гораздо более сложных понятиях вращения земли вокруг оси, относительности движения, и проч. — А главное, и выбирать тогда было не из чего. Авторитарная причинность была общественно-необходимой формой сознания, следовательно, формой, объективной.

е) Анимизм.

— Существовало ли понятие о душе в первобытной идеологии?

— Нет, не существовало. Это можно сказать с уверенностью потому, что на самых низких ступенях развития, какие нам известны, оно выражено чрезвычайно слабо и неясно; и есть еще теперь, или, по крайней мере, еще недавно были, по описаниям путешественников, племена, лишенные всякого представления о душе, не имеющие на своем языке слов, которые бы ему соответствовали. Таковы некоторые племена островитян, некоторые из бушменских племен Южной Африки и др.

— Когда же возникло понятие о душе, и откуда?

— Оно возникло в патриархальную эпоху на основе уже развившейся авторитарной причинности. Оно было результатом ее расширенного применения.

— Каким именно способом оно получилось?

— Когда авторитарная причинность уже стала привычной, постоянной формой мышления, тогда во многих случаях стала являться потребность отыскивать причинные связи. Конечно, цепь причинности оставалась всегда ограниченной, и мысль очень часто удовлетворялась малым числом ее звеньев; но все же это—цепь, и не может состоять из одного звена; надо по меньшей мере два; если же их нет, то нет и никакой „связи“; тогда потребность сознания в определенной связи фактов не удовлетворена, и оно начинает неизбежно к одному наличному факту искать другого звена—его причины.

Как должен был человек, с этой точки зрения, смотреть на свои собственные действия, или на действия другого человека? Многие и наиболее важные его действия,—трудовые акты,—„причиняются“, если он рядовой член общины, распоряжениями организатора; но все же

многие; а не все. В целой массе случаев он действует по собственной инициативе: и тогда, когда удовлетворяет личные потребности, и тогда, когда забавляется или развлекается, и, наконец, даже и в трудовом процессе, во многих его мелочах и частностях, которыми организатор не может руководить. Затем, сам организатор поступает самостоятельно. Между тем он не меньше других привык видеть свои действия вызванными властной волею, потому что лишь на старости лет стал во главе общины и всю предыдущую жизнь подчинялся, как другие. Где же авторитарная причина всех этих „привольных“, как мы сказали, действий? Кто их определяет своей организаторской властью? Раз только вопрос возник, ответ неизбежен один: сам человек.

Но если так, то во всех этих бесчисленных случаях человек сам и исполнитель и организатор своих актов; он сам занимает место обоих звеньев, и причины, и следствия. К нему, в тогдашнем мышлении, должны относиться оба эти понятия, весьма различные, хотя и тесно связанные между собою. Что из этого следует?

Надо помнить, что сознание той эпохи в высшей степени непосредственно и конкретно; оно движется в живых образах, в нём нет отвлеченностей и тонкостей, созданных последующим развитием. Оно не может придумывать таких, напр., объяснений: „с одной стороны, человек есть исполнитель, с другой стороны, он же — организатор“, — или: „в одном отношении он является причиной, в другом отношении — следствием“, и т. под. Для простого, наивного мышления два понятия, значит, два предмета, не иначе.

Что же оказалось? Человек удвоился в своих мыслях. Теперь он — два человека: властный руководитель его действий и покорный их исполнитель. Но видеть-то можно только одного, исполнителя, так как мы постоянно наблюдаем самое выполнение действий... Ну так что же? Очевидно, другой скрыт в нем, организатор в исполнителе. Это не мешает ему существовать

столь же несомненно, ибо руководит же кто-нибудь действиями второго.

Такова сила сложившегося способа мышления. Он есть как бы мощный, непреодолимый механизм, который все укладывает в определенную форму, все устраивает или перестраивает в сознании людей по определенной модели.

Итак, мы имеем двойного человека, — хотя он один. В доступном внешнему наблюдению исполнителе заключен, спрятан организатор. Первый получил название „тела“, второй — „души“. Это — начало анимизма, идей о душе.

— Если душа — удвоение тела, если она — тот же человек, только взятый в роли распорядителя своих собственных действий, то не должна ли она представляться в одинаковом виде с телом?

— Да, именно так оно первоначально и было. У наиболее отсталых племен, имеющих понятие о душе, так оно есть и теперь: душе приписывается вся внешность, все, по нашим понятиям, „физические“ свойства и материальные потребности, как у тела. Никакой „воздушности“ или эфирности ей на этой ступени не приписывается, равно как и никакого бессмертия. Эти черты явились в результате дальнейшего, весьма долгого и постепенного развития, главным образом, уже за пределами патриархальной эпохи. Есть все переходные ступени от души грубо-материальной, полного двойника тела, до современной, бестелесной и деуловимой. Напр., у некоторых племен ее воображают в образе маленького человечка, во всех других отношениях сходного с „телом“, — представление, остатки которого можно найти и в Европе раннего средневековья. У иных племен душа уже утратила некоторые физические особенности: она невесома, осязаема лишь на подобие воздуха и обладает большой легкостью передвижения, но сохраняет все физиологические функции, и т. под. Еще в такой, высоко-развитой религии феодального периода, как магометанство, душа

обладает половыми отправлениями („Магометов рай“), аппетитом и пр., а в другой, не менее развитой, тоже феодальной,—в католицизме Средних веков, она имеет способность жариться на огне.—Столь же медленно и последовательно, как увидим, складывалась мысль о бессмертии души.

— Каково точное значение слова „душа“ или „дух“?

— Оно означает „дыхание“ (в некоторых других языках смысл его тот же: латинские „animus“, „spiritus“, греческие „θυμός“, „πνεῦμα“). Это употребление слов получилось вот каким образом. Жизнь продолжается до тех пор, пока есть дыхание: оно наиболее постоянный ее объективный признак. Когда нет дыхания, тело неподвижно: „исполнитель“ бездействует, значит, „организатора“ нет, он ушел. Эта устойчивая связь „души“ с „дыханием“ и повела к нередкому обозначению их одним или почти одним и тем же словом.

— Коснулось ли удвоение „тело-душа“ только понятия о человеке, или пошло дальше и шире?

— Оно с самого начала распространилось на все другие существа и вещи, явилось универсальным. Основная метафора и тут, разумеется, сохранила свою силу, и придала всеобщность новой модели мышления. Было совершенно естественно рассматривать движения и действия животных с той же точки зрения, как и человеческие. А так как не было накоплено знания, которое позволяло бы различать предметы „одушевленные“ и „неодушевленные“, так как действие, напр., ветра, движения ручья, облаков, солнца и т. д., воспринимались одинаково с разными актами живых организмов, то принять „души“ всяких вещей было неизбежно. Анимизм на первых своих ступенях и охватывает всю природу, вкладывает „души“ во все предметы: человек, зверь, растение, камень, река,—все получает своих внутренних организаторов.

— Каким образом зародилась мысль о бессмертии души?

— У некоторых племен, напр., фиджийцев, бессмертие души имеет такую форму, что, когда старый организатор — патриарх или вождь — умирает, его душа переходит к его преемнику. Если принять во внимание, что слово „душа“ означает, собственно, организаторскую функцию, то ясно, что это верование или этот „миф“ есть весьма верное описание факта: организаторская функция от умершего властителя перешла к другому лицу, от него перейдет к третьему, и т. д. — Здесь же, очевидно, и начало широко распространенных позднейших, напр., индусских мифов о переселении душ.

Надо заметить, что и вообще у племен патриархального и раннего феодального быта бессмертны лишь души вождей, хотя, в большинстве случаев, и без передачи их новым лицам. Здесь перед нами также „миф“, описывающий факты наивным языком, но отнюдь не выдуманный. В общине господствует традиция, заветы предков-организаторов. Люди живут по этим заветам, подчиняются им, даже и патриархи. Следовательно, хотя предки умерли, но их руководящая роль остается, их организаторская воля живет, управляя жизнью, их „душа“ не умерла. Это прямая очевидность для мышления конкретного, не знающего отвлеченностей: предки повелевают, значит, они живы, хотя тела их, так же несомненно, умерли.

Отсюда вытекает и первоначальная ограниченность „бессмертия“: душа переживает тело, но, вообще говоря, не живет без конца; она впоследствии может сама умереть, или быть убита другой, более сильной душой. Как ни консервативен еще быт людей, но все же иногда замечалось, что заветы предков не вечны, что они могут вытесняться из жизни более поздними заветами. А когда самое имя того или иного предка изгладилось из памяти потомства, никто уже не может мыслить его как живого руководителя.

— Не существует ли в науке других теорий, объясняющих происхождение анимизма?

— Да, существует иная теория, притом наиболее распространенная. Она выводит понятие о душе из сновидений. Сущность ее такова. Умершие существа и разрушенные вещи часто еще долго являются людям в их сновидениях; а понимание того, что сны—только обман чувства, развилось лишь на более высоких ступенях культуры. Получалось убеждение, что от погибших людей и вещей остается нечто, им вполне подобное. С другой стороны, спящий сам во сне видит себя действующим и в изменяющейся обстановке,—тогда как наблюдения и сообщения других людей убеждают его, что тело его лежало в это время неподвижно. Мертвое тело физически вполне сходно с живым; но чего-то в нем не хватает, и оно бездейственно, а затем должно разрушаться. То, что остается от тел после их разрушения, то, что живет и перемещается во время сна, чего нет в мертвом теле, люди стали называть „душою“.

— Как следует смотреть на эту теорию?

— В своей основе она не только ошибочна, но и наивна. Анимизм есть целая система мировоззрения, простиравшаяся на все мышление людей, имевшая огромное влияние на всю их жизнь,—стоит лишь вспомнить значение забот о душе, об ее благосостоянии в целом ряде высоко-развитых позднейших религий, о том, как ее спасали ценою хотя бы гибели тела, и пр. Эта система держалась в ряду тысячелетий, прошла через несколько экономических формаций и далеко не исчезла даже в наше время. Между тем ее пытаются объяснить на основе фактов, имеющих самое ничтожное значение в жизни, каковы сновидения. Невозможно допустить, чтобы такая важная, такая устойчивая и всеобщая по масштабу форма мышления была приспособлением к условиям столь маловажным, неустойчивым и частным.

Далее, эта теория приписывает первобытному дикарю такую способность к отвлеченному размышлению, логическому обсуждению, индуктивным построениям, какой у него, конечно, быть не могло. Даже современные наиболее отсталые племена весьма далеки еще от подобного типа „резонирующего дикаря“; он—просто результат наивного перенесения европейских форм сознания на человека низших ступеней развития.

Затем, эта теория неспособна объяснить социальных судеб анимизма: почему идея души возникает лишь на известной ступени развития, тогда как сновидения существовали, конечно, и в первобытную эпоху; почему, как показывает история, эта идея приобретает наибольшую яркость и практическую силу в обществах, построенных по авторитарному типу, каково, напр., средневековое с его католицизмом; почему она утрачивает свое могущество и свою ясность при господстве иных—индивидуалистических отношений в обществе, и всего прочнее удерживается именно в тех классах новейшего общества, где в наибольшей мере удерживается авторитарная связь (в аристократии, в крестьянстве), и т. д.

— Следует ли принять, что эта теория—сплошное заблуждение?

— Нет, в ней есть доля истины; но чтобы ее найти, надо перевернуть самую теорию. Когда возникла на основе авторитарного сотрудничества идея души, то она послужила естественным и удобным способом объяснять сновидения и т. под. факты; они стали материалом для нее и легко уложились в ее рамки.

— Существуют ли прямые доказательства в пользу авторитарной теории души?

— Самое простое и прямое доказательство заключается в действительном соотношении души и тела по понятиям анимиста. Это соотношение, бесспорным и очевидным образом, есть авторитарное сотрудничество: душа руководит телом, распоряжается

им, властвует над ним; и в то же время оно ей необходимо, чтобы материально выполнять ее цели, как необходим исполнитель для осуществления целей организатора.

Далее, исследуя абстрактным методом историческое развитие мировоззрений, можно убедиться, что, как было уже указано, возникновение, усиление, упадок анимизма и его роли в жизни идут следом за возникновением, усилением, упадком авторитарного типа общественной организации. И когда шла борьба новых, индивидуалистических форм против этого типа организаций, как было, напр., в Европе на исходе Средних веков, то, как мы увидим, представители новых отношений (меловых, буржуазных) вели борьбу и против практического господства анимизма, против подчинения жизни заботам о душе; таковы были „гуманисты“, а впоследствии материалисты и другие свободомыслящие люди, защищавшие „права плоти“ против „прав души“.

Современный язык сохранил еще сознание истинного смысла понятия „душа“: нередко это слово применяется так, что его можно прямо заменять или переводить выражениями „организатор“, „организующее начало“. Напр., про человека говорится, что он „душа“ такого-то предприятия, такого-то общества; это значит, что он всех больше и успешнее работает над организацией предприятия, или что именно он своими усилиями поддерживает связь данного общества и организует его деятельность. Относительно науки часто утверждают, что ее „душа“ есть ее метод; это то же, что сказать: „метод есть организующее начало науки“. Язык есть идеология, т.-е. часть общественного сознания, и потому иногда в нем есть скрытое решение вопросов, которых не в силах разрешить отдельные ученые.

— Но почему же все-таки могла получить господство старая, ошибочная и наивная теория анимизма, и так долго не могла возникнуть новая, правильная, в пользу ко-

торой имеются прямые данные и доказательства?

— Это зависело от точки зрения, с которой подходили к вопросу. Современная наука выработана обществом индивидуалистическим и проникнута его способом мышления; она, поэтому, основу для идеи души искала в сознании индивидуума, отдельно взятой личности; а надо было искать эту основу в общественной жизни людей, в их сотрудничестве; значит, надо было стать на иную, коллективистическую, точку зрения, чуждую мышлению большинства ученых.

f) Начало религий.

— Что означает слово „религия“?

— По обычному истолкованию, это слово производится от глагола „religare“, по-латыни — связывать. В таком случае, слово должно означать „связь“. При авторитарном быте общая религия была, действительно, главным, наиболее для всех понятным и близким выражением организационной связи общества.—По другому истолкованию, от „religere“—собирать—смысл, очевидно, в том же роде.

— Откуда произошли религии?

— Из „культа предков“, т. е. из почитания предков-организаторов, которых народное мышление постепенно превратило в божества.

— Каким путем совершилось это превращение?

— Путем прогрессивного накопления авторитета древнейших предков по мере смены поколений в общине и племени. Этот своеобразный стихийный процесс идет следующим образом.

Распоряжаясь жизненными отношениями столь обширной и сложной системы, как община, патриарх в огромном большинстве случаев делает это по готовому

шаблону, пользуясь накопленным опытом своих предшественников, их „заветами“, т.-е. правилами и указаниями, которые от них перешли к нему, передаваясь в ряду их поколений. Постоянно ссылаясь на эти „заветы“, выставляя себя перед общиной исполнителем воли предков, он тем самым поднимает их авторитет над своим, как высший и более могущественный. Большую часть своей жизни каждый патриарх был раньше подчиненным исполнителем своих ближайших предшественников, привык повиноваться им и почитать их, ставить их над собою. Став патриархом, он, в силу консерватизма мышления, сохраняет этот взгляд на них и, как хранитель общинной традиции, передает его всем родичам. Но в таком же точно отношении предыдущие патриархи стояли к тем, место которых они заняли, и подобным же образом они поставили их выше себя в глазах общины; а те сделали то же по отношению к своим предшественникам, и т. д. Уходя в даль прошлого, образы предков-организаторов растут в сознании потомков, достигая сверх-человеческих размеров; уважение к ним переходит, наконец, в настоящее обожествление. Так почитание предков привело к созданию богов и положило начало древнейшим религиям.

Процесс накопления авторитета не только может быть логически выведен из консерватизма авторитарной мысли, как мы это сделали. Он наблюдается и на памяти истории, конечно, в другой обстановке.

Мыслители, поэты, художники каждого поколения воспитываются на произведениях своих предшественников, и потому бессознательно привыкают большей частью рассматривать их как авторитеты для себя, ссылаться на них и цитировать их в этом смысле. В смене поколений идейные творцы прошлого таким способом превращаются в каких-то гигантов; и всякая попытка сравнивать с ними идейных творцов современности кажется странною, почти недопустимую, своего рода профанацией величия. Может ли наш современник без большого усилия представить себе

появление теперь нового Ньютона, Гёте, Леонардо-да-Винчи? А в прежние времена с реформаторами религий дело доходило и до прямого обожествления, как это случилось, напр., с Буддой, с Христом.

В накоплении авторитета есть определенный, реальный смысл. Если заветы умершего организатора продолжают действовать, то его организаторская роль в жизни на деле расширяется. При жизни патриарх руководил, может быть, сотнею родичей; через двадцать поколений потомство этой общины может образовать целое племя во много тысяч человек, верных его заветам, и, если прибавить промежуточные поколения, то легко сообразить, во сколько раз увеличилось поле его авторитета. Не удивительно, что он иногда делается племенным богом.

— Но могли ли вообще произойти из культа предков те многочисленные религии, которые представляют богов в виде животных или растений, иногда даже неодушевленных вещей—солнца, рек и т. под.?

— Что и такие религии возникли из культа предков, на то указывают явления так-называемого „тотемизма“. Многие племена, напр., краснокожих Америки, прямо признают, что они происходят от такого-то зверя, птицы, рыбы, дерева и весьма гордятся подобным предком—своим „тотемом“.

Вопрос о происхождении „тотемизма“ вызывал и вызывает много споров; но он едва ли так сложен и труден, если подойти к нему с нашим методом—исследования функций. По своей основной и главной функции тотем есть просто имя родовой группы, затем племени, и вполне подобно в этом смысле личным именам, которые также брались от названий животных, растений и проч. Но понятно, что имя коллектива, во-1), приобрело гораздо большее значение, во-2), получило характер мифа. Оно и развилось, надо полагать, из персонального имени,—для этого достаточным объяснением является сам авторитарно-родовой быт, где личность организатора является представите-

лем его рода или племени, — плюс, конечно, влияние языка с его первоначальной неопределенностью значения слов. Если отдаленный предок носил имя или прозвание „Бизона“, „Крокодила“, „Коршуна“, и т. под., то в устной передаче от поколения к поколению это название понималось, с течением времени, буквально, и из человека получался тотем, — животное или растение.

— Были ли первоначальные религии многобожными или единобожными?

— Вообще говоря, они были многобожными: даже у отдельной общины мог оказаться не один обожествленный прародитель; а когда они объединялись в племенные союзы, то и родовые божества объединялись в общем почитании, обыкновенно, под председательством одного или нескольких богов наиболее сильной и богатой общины, — как и ее патриарх становился во главе племенного совета родовых старейшин.

Но затем иногда случалось так, что, при очень большом усилении одной общины среди других, ее божество оттесняло остальные и становилось единственным племенным богом. Однако, это „единобожие“ не имело того характера, как позднейший „монотеизм“: племенное божество не принималось за мировое, а оставалось племенным. Так, евреи патриархальной эпохи поклонялись единому племенному богу, но отнюдь не отвергали существования богов других племен и народов: даже в гораздо позже возникших еврейских священных книгах часто говорится о богах египетских, финикийских и других, как о вполне реальных существах, лишь более слабых, чем еврейский бог. Временами, поэтому, случалось, что евреи, наблюдая богатство соседних племен или на практике убеждаясь в их могуществе, приходили к выводу, что их божества более могущественны или, по крайней мере, тоже заслуживают почитания. Тогда совершались те соращения к инобожию, частота и легкость которых кажутся столь загадочными читателю повествующих об этом книг библии, не знакомому с истинным характером племенного единобожия.

— Что называется религиозным культом?

— Слово „культ“ происходит от латинского глагола „colere“—возделывать, почитать (от которого, между прочим, и слово культура). Культ есть вся практическая сторона религиозного почитания: молитвы, жертвы, обряды.

— Откуда произошли религиозные культы?

— Для наивного религиозного сознания божества являлись живыми, реальными руководителями общины или племени. Как с таковыми, люди вступали с ними в общение, прося их о помощи или выражая благодарность за нее в случае успеха; это обозначается, как „молитва“. Равным образом, люди считали себя обязанными заботиться о материальных потребностях своих божественных руководителей, кормить, поить их, как и живых организаторов,—потому что боги отнюдь не представлялись тогда существами бестелесными; отсюда—жертвы.

„Обрядность“ заключается в тех особых способах, которые полагается применять, и тех условиях, которые предписывается соблюдать при молитвах и жертвоприношениях. Вначале специальной обрядности почти не было: к умершим прародителям-божествам обращались приблизительно так, как и к живым организаторам, и столь же просто их угощали, оставляя, напр., кушанья на их могилах. Особые правила обрядности впоследствии выделились благодаря тому, что культ оказался консервативнее остальной жизни.

Пусть развитие племени, его внешние сношения, практические заимствования привели к тому, что каменные орудия сменились бронзовыми. Остается, однако, предание, что предки резали кремневыми ножами, рубили кремневыми топорами, и т. д. Если община решает предложить в угощение божеству, положим, барана, то она не может не считаться с привычками божества,—иначе рисковала бы не достигнуть цели: жертва могла быть отвергнута. Но так как божество есть не что иное, как прародитель общины или племени, то его привычки—именно те, какие существовали у далеких предков.

А предки убивали баранов каменным топором и резали на куски каменным ножом. Следовательно, так надо и поступать с жертвенным бараном: хотя имеются гораздо более удобные металлические орудия, но „обрядность“ требует, чтобы при жертвоприношении употреблялись только каменные, которые и хранятся специально для этого. Так делалось, напр., у евреев в Палестине.

Подобным же образом в обрядах культа хранятся древние, давно заброшенные способы приготовления пищи (у тех же евреев—употребление опресоков, т.-е. не заквашенного хлеба, в определенные праздники в честь племенного божества). Далее, также древние способы устройства жилища (праздник „кущей“ или „палаток“ в Палестине, когда евреи уже давно перестали кочевать и жили оседло в домах), и т. д.

Этот неизбежный консерватизм культа делает его часто незаменимым памятником отдаленнейшего, забытого прошлого.

— Какое место занимает религия в идеологической жизни патриархального периода?

— Она охватывает все мировоззрение людей, проникает собою все их мышление. Сущность религии состоит в традиции, в связи с предками. Все то, что идет от них, что является их наследием, все это рассматривается, как божественные заветы или „откровения“, все это священо, принадлежит к религии. Но в те консервативные времена развитие совершается до неуловимости медленно, новое в каждом поколении несоизмеримо мало сравнительно со старым, и потому вся жизнь людей лежит в заветах; „священное“, т.-е., собственно, традиционное, окружает их постоянно и повсюду, руководит каждым их шагом. Все технические приемы, все взаимоотношения людей установлены богами; от них же идет и всякое знание, всякая мудрость; они вдохновляют руководителей общины в их деятельности.

Искусство в эту эпоху также всецело религиозно: танцы, музыка—священные обряды; мифы, бессознательная

поэзия эпохи,—история богов и их отношений с людьми; произведения живописи, скульптуры, если даже не изображают богов, то „посвящаются“ им, и бывают, по тогдашним представлениям, удачны лишь тогда, когда внушены ими,—как, впрочем, и всякое вообще дело.

Но, охватывая всю жизнь, религиозное или священное в те времена вполне обыденно; в нем нет таинственного, мистического характера, который оно приобретает впоследствии, когда религия отделяется, как особая область, от остальной жизни. Религиозные обряды понятны и доступны каждому; все в них участвуют, под руководством, конечно, патриарха, как и в производительном труде.

Религия была как бы всеобщей оболочкой жизни и мышления.

— Не была ли эта религиозная оболочка заблуждением? Исходя из ложного представления о божествах-предках, не вела ли она к лишним и бесплодным затратам сил и средств общины на обрядность, жертвы и т. под.?

— Представления ошибочные и затраты энергии бесполезные с нынешней точки зрения вовсе не были таковыми в ту эпоху. Не только они являлись результатом исторической необходимости, но и были полезными социальными приспособлениями. Они представляли прочную живую связь общины, а затем племени, придавали сплоченность коллективу, единство и стройность его сознанию, помогали кристаллизации и собиранию трудового опыта поколений. Все это было в высшей степени важно для успеха в борьбе с природою и врагами.

г) Обычай.

— Что называется обычаем?

— Установившееся в обществе и устно передаваемое от поколения к поколению правило жизни. Это может

быть и правило техническое, и даже относящееся к образу мышления; но специально словом „обычай“ обозначают правила, которыми регулируются взаимные отношения между людьми: как и в каких пределах члены общества должны поддерживать друг друга, в каких рамках они обязаны удерживаться при своих столкновениях и разногласиях, какими путями их разрешать, и т. под. Следовательно, обычаи это — первичные общественные нормы, устные и строго традиционные. Они — то начало, из которого на дальнейших ступенях культуры развилось право и нравственность.

— Какую роль играл обычай в жизни первобытной эпохи?

— Там, собственно, „обычай“ только начинал зарождаться. В отношениях между людьми царствовал не обычай, а стихийные, тысячелетние привычки, которые не формулировались в особых правилах, не передавались и не запоминались в словесном виде, а усваивались непосредственно в жизни, путем подражания; они, таким образом, не были идеологией, чем и отличались от обычаев. Настоящее господство обычаев идет с патриархальной эпохи.

— Почему патриархальная эпоха характеризуется развитием и господством обычаев?

— Потому что человеческие отношения стали гораздо сложнее и разнообразнее прежних, и не могли уже устанавливаться и регулироваться посредством одной только стихийной привычки: стали необходимы особые правила, чтобы организовать их в надлежащий порядок, т.-е. потребовалась соответственная идеология. С другой стороны, вся жизнь была построена на традиции, на заветах прошлого; т.-е. общественные нормы должны были быть всецело традиционными. А это и есть обычаи.

— Кто был хранителем и блюстителем обычаев?

— Община или племя в целом; но по преимуществу, — старейшие, патриархи, представители накопленного опыта,

мудрости прошлого. Они истолковывали обычай, если его указания были недостаточно ясны, или если его приходилось применить к новому, раньше не наблюдавшемуся случаю.

— В каком отношении находился обычай к религии?

— Как все заветы предков, он являлся религиозным установлением, выражением воли божества.

— Как поступали с нарушителями обычаев?

— В те времена, при величайшем консерватизме сознания людей, при полном господстве авторитета, нарушение обычая—священной воли божества—могло быть только редким, исключительным фактом, и рассматривалось как нечто чудовищное. Нарушитель обычая как бы отрывался от всей жизни общины; его убивали или изгоняли, что практически сводилось к тому же, ибо вне общины жить было невозможно.

Эта исключительность и как бы непонятность „преступления“ для тогдашней консервативной мысли объясняет кажущуюся чрезмерной жестокость расправы с нарушителями обычаев, какая поражает нас в древних описаниях патриархального быта, в религиозных книгах разных народов, напр., евреев.

Обычай—уже идеология, т. е. форма общественного сознания; но отношение к нему людей было еще стихийным.

h) Общая характеристика идеологии патриархального периода.

— Консерватизм авторитарных идеологий был ли того же рода, как консерватизм первобытного мышления?

— Не вполне. Первобытный консерватизм вытекал из величайшей технической слабости человека перед приро-

дою, из отсутствия всякого избытка сил, за счет которого могло бы идти развитие. При патриархальном быте такой излишек—прибавочный труд—уже существует, хотя очень небольшой; и действительный консерватизм жизни уменьшается во много раз, хотя с точки зрения нашей эпохи и остается еще огромным. Изменения в технике, в отношениях людей, а тем более в понятиях остаются все же неуловимыми для каждого поколения, и потому в сознании людей царствует традиция. Авторитарный строй общины в самом себе заключает особое сопротивление всяким новшествам: на организаторе лежит сложная и для слабого еще мышления страшно трудная задача, которую он способен выполнить, только руководясь готовыми шаблонами, выработанными в прошлом. Всякое нововведение порождает цепь перемен и в распределении сил общины, и в отношениях ее членов, а это до крайности усложняет и затрудняет организационную задачу. Напр., допустим, что вводится новое орудие, сберегающее труд. Приходится изменить все прежнее, привычное равновесие производства: направить часть рабочих сил на приготовление этого орудия или же лишнего количества того продукта, на который его можно выменять у другой общины, и надо точно рассчитать, сколько именно их надо для этого. Надо затем, убавить работников в той отрасли, где применяется новое орудие, потому что труда теперь требуется меньше. Надо распределить освободившиеся рабочие силы между другими занятиями. Надо изменить распределение продуктов, потому что благосостояние общины повышается. Если орудие приобретается обменом, надо сообразить условия обмена, определить, на какие условия идти можно, на какие нельзя, и т. д. Начавшееся изменение волнами распространяется на всю жизнь общины и требует от организатора по всей линии новой работы обдумывания. А это—самая трудная работа для мало развитой психики. Понятно, что организатор инстинктивно сопротивляется всякому нововведению. Консерватизм техники и экономики неизбежно влечет и консер-

ватизм идеологии, по известному нам закону социальной причинности.

Консерватизм идеологии, при этом, еще сильнее, чем консерватизм техники, потому что идеология, заветы предков, это и есть главное орудие, при помощи которого организатор управляет жизнью общины: как только что-нибудь меняется в этом орудии, патриарх оказывается в положении работника, у которого отняли привычный для его руки, испытанный инструмент, и дали новый незнакомый, к которому надо еще привыкать.

— В чем состоит основная черта строения авторитарных идеологий?

— В так называемом авторитарном или натуральном фетишизме.

„Фетишизмом“ первоначально называли поклонение неодушевленным предметам. Потом это слово приобрело в науке и философии более широкий смысл: извращенное понимание каких-либо отношений действительности. Такова авторитарная причинность: она понимает связь явлений природы извращенно, для нее следствие определяется причиной по образцу того, как исполнение—приказанием у людей. Следовательно, отношения вещей она понимает, как отношения людей, а именно, как авторитарную связь: фетишизм авторитарный. Так как при этом искажается именно картина стихийной природы, то его называют еще „натуральным“.

Анимизм, очевидно, тоже относится к натуральному фетишизму, а с ним и религиозные представления о природе.

— Сохранилась ли в патриархальной идеологии первобытная динамика?

— Только отчасти; она мало-по-малу устранялась развитием мышления. Роль орудий в труде постоянно возрастала; а это, как мы знаем, вело к выработке мышления о вещах там, где прежде человек мыслил только действия. Начавшийся еще к концу первобытного периода процесс превращения природы в глазах

человека, из мира действий в мир вещей продолжался, хотя еще не завершился в авторитарную эпоху. Первобытную динамику оттесняла статическая точка зрения на мир. Но даже „вещи“ в ту эпоху не стали еще вполне устойчивыми, неподвижными реальностями: в них был действенный элемент, их „души“, придававшие им самостоятельную активность.

— Представляет ли патриархальная идеология для нас только исторический интерес, или еще какой-либо иной?

— Сходные причины порождают сходные следствия. Авторитарные отношения в хозяйстве и вообще в практической жизни существуют и теперь, принимая разнообразные формы, но оставаясь однородными в своей основе. Приспосабливаясь и к этим остаткам, современное мышление отчасти сохраняет черты авторитарного фетишизма: свойственного ему понимания причинности, анимизма, религиозных представлений, слепого консерватизма традиций. Проследив происхождение и развитие этих черт, несравненно легче улавливать их в жизни, выяснять их значение для ее общего хода, определять их вероятную судьбу и свое практическое отношение к ним.

II. Эпоха феодального быта.

а) Техническая и экономическая характеристика эпохи.

— Какие изменения в технике производства вызвали переход от патриархата к феодализму?

— Дальнейшее повышение производительности труда, благодаря которому прибавочный труд увеличился настолько, что сделалась возможна настоящая эксплуатация.

В большинстве стран Европы и Азии основу для такого повышения производительности дал переход от коче-

вого скотоводства или от примитивного, полу-бродячего земледелия к оседлому земледелию, соединенному со скотоводством, при соответственном развитии производства орудий, росте ремесел и пр.

В результате—плотность населения могла возрасти в несколько раз. По весьма приблизительным расчетам, первобытная бродячая охота в нашем умеренно-холодном климате прокармливала человек 20 на квадратную милю, кочевое скотоводство или примитивное земледелие патриархальной эпохи— человек 60—80, а сельское хозяйство начала феодального периода—уже человек до 200.

— Какие преобразования в экономическом строении общества характеризуют смену патриархата феодализмом?

— Основные преобразования следующие: 1) родовая община перешла в соседскую; 2) обособились организаторы мирные—жрецы, и военные—сначала просто вожди, потом „сеньеры“—феодалы; 3) хотя хозяйство в общем и целом оставалось натуральным, но обмен уже сделался явлением постоянным и приобрел заметное, прочное, все возрастающее влияние на экономическую жизнь; 4) постепенно сложились обширные светско-феодальные и духовно-феодальные организации, которые охватили целые области, затем большие страны.

— Как совершилось превращение родовой общины в соседскую?

— Новые способы земледелия были таковы, что его удобнее было вести на отдельных участках семьями. Родственные же связи и помимо этого слабели, теряли свое значение, благодаря тому, что общины теснее соприкасались и смешивались между собою и разрастались до огромных размеров, при которых патриархально-единое хозяйство было невозможно. Шаг за шагом шло распадение на семейные хозяйства; каждое из них было маленьким подобием старой патриархальной группы. Экономическая связь между ними все-таки сохранялась: общинное землевладение; соседское сотрудничество во мно-

гих работах (покос на общинных лугах, пастьба скота, и т. под.); соседский обмен продуктами и услугами; наконец, на основе этих связей, внутреннее самоуправление общины, которое велось сходом ее домохозяев, организаторов каждый в своем семейном хозяйстве.

— Откуда явились жрецы и феодалы?

— Уже к концу патриархального периода, когда возросшая плотность населения, а за ней земельная теснота сделала гораздо более частыми, чем прежде, военные столкновения между общинами, между целыми племенами, практика выдвинула, на-ряду с прежними патриархами, особых военных организаторов-вождей. На войне от предводителя требовались иные качества, чем в мирном труде, не столько многолетняя опытность и мудрая расчетливость, сколько быстрое соображение, гибкое воображение, храбрость, стремительность и т. п.,—свойства, менее редкие у людей молодых, чем у стариков. Вначале вожди назначались на каждую кампанию патриархами, советами племенных патриархов; затем это звание мало-по-малу стало постоянным, пожизненным в руках однажды избранного; а затем, когда община уже распалась на самостоятельные семьи, оно стало и наследственным. Его захватывали себе в привилегию определенные семьи, развивавшие в своей среде специально-военные добродетели, и потому раньше наиболее часто поставлявшие вождей; упрочить привилегию им помогала их экономическая сила, возраставшая благодаря тому, что им доставалась более крупная доля военной добычи.

За прежними патриархами и их семьями оставались в общине объединяющие мирно-организаторские функции во всех случаях, где хозяйственная деятельность обособившихся семей продолжала соприкасаться: они, как хранители опыта и знания, указывали сроки земледельческих работ, лечили больных, выступали как примирители и судьи в столкновениях между сообщинниками, воспитывали молодежь, и т. п. Они поддерживали религиозную связь общины и племени; а так как вся их деятельность исхо-

дила из заветов прошлого, т.-е. из традиции, которая имела религиозную форму, то они являлись „священниками“, или жрецами, представителями культа, посредниками между общиной или племенем и их божествами.

Так разделились две стороны организаторской функции, мирная и военная, воплотившись во власти жрецов и вождей, а впоследствии—духовных и светских феодалов.

— В чем выражалось влияние обмена на ход развития от патриархального к феодальному быту?

— Так как при обмене интересы двух сторон противопоставляются,—каждая хочет взять больше, отдать меньше,—то обмен имеет вообще свойство разъединять людей; естественно, что он усиливал и ускорял разложение родовой общины, обособление семейных хозяйств; он подрывал остатки старого коммунизма и упрочивал сознание частной собственности, еще не личной, впрочем, а семейной. Расширяясь же за пределы не только общин, но и племен, распространяясь, хотя и не в крупных, по нашим понятиям, размерах на целые области, даже целые страны, обмен сделал возможным значительное расширение потребностей в экономически сильных хозяйствах: выменивались разнообразные продукты; и если раньше патриарх мог потреблять больше других родичей и лучшее из того, что производила община, но в общем те же и немногие продукты,—то теперь начало развиваться потребление усложненное и утонченное. А оно, в свою очередь, явилось мотивом для эксплуатации и массы общинников жрецами и феодалами. Но все же, пока обмен был сравнительно ограниченным, ограниченным оказывалось и развитие потребностей господствующих сословий, а, значит, и обусловленная им эксплуатация.

Имея свойство раскидываться в пространстве и косвенной, цепной связью объединять весьма отдаленные местности, меновые отношения подготовили образование

областных, национальных и даже еще более широких организаций духовного и светского феодализма.

— Каким путем возникали и что представляли эти феодальные организации?

— Возникали они частью путем естественного размножения и колонизационного распространения племени на все более значительные территории, частью — путем завоевания и насильственного подчинения одних племен другими. Строение же их было попрежнему авторитарное, но несравненно более сложное, а именно „иерархическое“, представлявшее цепь авторитетов, одних над другими.

Простые общинники были „вассалами“, т.-е. подвластными и данниками своего „сеньера“, мелкого феодала, который организовывал их военную защиту, и в случае нужды экономически поддерживал их за счет своих запасов, а с них получал в свою пользу прибавочный труд, в виде ли прямо работы (барщина), или продуктами (оброк). Несколько таких мелких феодалов составляли вассальную группу своего „сюзерена“, феодала более крупного, — за его защиту и покровительство платили ему дань, и по его призыву приходили с дружинами ему на подмогу. Он, в свою очередь, был подобным же вассалом сюзерена еще более крупного, и т. д., вплоть до верховного феодала, называвшегося королем или императором.

Аналогичным образом была построена цепь духовной иерархии, от низших священнослужителей до верховного жреца (первосвященника, патриарха, папы, далай-ламы и т. п.).

б) Развитие речи и мышления вообще.

— Какие основные условия определили развитие речи в феодальную эпоху и насколько оно было значительно?

— Общественные организации раскинулись тогда на огромные территории, охватили сотни тысяч, иногда миллионы людей. Экономическая связь, прямо или косвенно,

объединила тысячи общин, которые вели свое производство в самой различной природной обстановке, а следовательно также различными методами и средствами, создавая и продукты несравненно более разнообразные, чем это было раньше. Для выражения всех бесчисленных элементов производства и всевозможных человеческих отношений, возникавших из него, разумеется, уже не годился бедный словами и мало гибкий язык патриархального периода. Во времена феодализма и сложились такие высоко-совершенные языки, как, напр., индо-европейские и семитические: древне-индусский (санскрит), древне-иранский, греческий, латинский, древне-славянский и германские; еврейский, арабский и т. д. Речь достигла такого богатства выражений и такой их гибкости, что стала способной передавать почти все, переживаемое людьми. Как организационное орудие, она должна была приспособиться, и в ряду веков приспособилась к новым потребностям социальной практики.

— Какие перемены испытало человеческое мышление?

— Прежде всего и главным образом, количественные. С этой стороны, прогресс мышления был столь же значителен, как прогресс речи, его внешнего выражения, и обуславливался теми же причинами: накоплением и передачей опыта, технического и экономического, в гигантских общественных организациях.

Что же касается приемов и способов мышления, то они, разумеется, совершенствовались и усложнялись, но сохраняли свой прежний основной характер: мышление было авторитарным, потому что таково продолжало оставаться строение общества в своем целом.

Однако, рост обмена знаменовал развитие, пока еще слабое и ограниченное рамками старых форм, но все же — новой формы сотрудничества (анархическое разделение труда в обществе). Соответственно этому должны были намечаться, особенно к концу феодализма, и более глубокие изменения в методах мышления.

с) Авторитарная причинность и анимизм.

— В каком направлении шло развитие причинной связи за период феодализма?

— Прежде всего, в сторону умножения и удлинения цепей причинности. Трудовой опыт накапливался, количество установленных наблюдением постоянных связей в нем возрастало во много раз. Там, где раньше с первого шага объяснение факта сводилось к воле какого-нибудь „духа“, скрытого в соответственной „вещи“, теперь оно шло дальше и глубже. Напр., в прежние времена племя, жившее на низовьях большой реки, приписывало ее разливы и наводнения просто „духу“ этой реки, чем и исчерпывался вопрос. Когда же феодальное завоевание или меновые сношения связывали данное племя с другими, жившими в верховьях реки, то на почве их общения выяснилось, что разливы вызываются, напр., периодическими сильными дождями в верхнем бассейне реки. Дожди, естественно, объяснялись тучами, их производившими; появление этих туч—ветрами, их пригонявшими; зависимость ветров от времени года, т. е. от положения солнца на небе, заставляла видеть их причину в действиях солнца; а эти последние, наконец, приписывались властной воле „духа“ или „бога“ солнца. Вместо первоначальных двух звеньев, причины-следствия, в цепи оказывалось их пять или шесть, благодаря общению племен, раньше не имевших связей.

Так бывало и в массе других случаев, не только вследствие расширения общественной организации в пространстве, но, конечно, и на основе ее продолжения во времени: опыт новых поколений прибавлялся к знаниям старых, увеличивал их сумму и углублял их. Напр., когда арийцы пришли с севера в Ост-Индию, то они, без сомнения, не сразу, а только в ряду поколений могли уловить власть солнца над ветрами, приносящими дожди, и т. п.

В патриархальную эпоху мышление людей легко удовлетворялось причинной связью всего двух звеньев: явление и какой-нибудь „дух“, его произвольно вызывающий. При феодализме сама жизнь делала более привычными для сознания, а следовательно, и полнее его удовлетворяющими, удлиненные цепи причин-следствий. Ведь, началом авторитарной причинности была связь власти-подчинения в общественной практике. Феодализм же разворачивал эту связь в многочленные ряды. Пусть, напр., по воле папы или короля молодого крестьянина гонят в крестовый поход, берут с него налог на предпринятую войну, и т. д. Сколько звеньев представляет путь от этой первой причины до обусловленного ею, в конце-концов, ошутительного крестьянину факта? Иногда целые десятки, по всей сюзеренно-вассальной линии, от высших авторитетов, духовных или светских, до последнего феодала или его управляющего, поставленного над крестьянской общиной. По социальной же или экономической причинности как бы „моделируется“ и всякая иная.

— В каком направлении происходило развитие анимизма?

— В направлении, которое можно назвать „ограничительным“. От всеобщего анимизма мышление перешло, шаг за шагом, к разграничению предметов „одушевленных“ и „неодушевленных“. Область первых большей частью свелась к людям, животным и еще небесным светилам; область вторых захватила обычные и доступные объекты безжизненной природы, а так же и растения. Кроме того, и сами „души“ постепенно теряли свои „физические“, как мы бы их назвали, свойства одни за другими, в разной мере и степени.

— Каким путем были выделены вещи неодушевленные?

— Путем более полного и точного ознакомления с их реальными свойствами.

Наивное мышление легко приписывало инициативу и самостоятельность действий самым различным вещам; оно